

# Владиславъ Реймонтъ, его романы и рассказы.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

Если популярность современныхъ польскихъ писателей съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяется за предѣлы мѣстности старой Польши, то этой популярностью польская литература обязана главнымъ образомъ тѣмъ беллетристамъ, которые сознательно вынесли темы и идеи своихъ произведеній изъ узкаго круга спеціально польскихъ интересовъ, сдѣлавъ ихъ общечеловѣческими. Среди такихъ писателей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ молодой романистъ Владиславъ Реймонтъ, успѣвшій завоевать общія симпатіи.

Что Реймонтъ безусловно талантливъ и обѣщаетъ дать польской литературѣ нѣчто капитальное, въ этомъ пунктѣ сходятся рѣшительно всѣ польскіе критики, даже самыхъ противоположныхъ школъ и партій. Что романы и рассказы Реймонта нравятся читателямъ, объ этомъ говоритъ успѣхъ его произведеній на книжномъ рынкѣ и на журнальной биржѣ. Но что онъ еще не вполне опредѣлился и продолжаетъ идти впередъ твердыми шагами, это покажетъ намъ знакомство съ его біографіей, главными произведеніями и разборомъ ихъ у разныхъ критиковъ; послѣдній будетъ особенно интересенъ для русскихъ читателей.

Реймонтъ принадлежитъ къ молодому поколѣнію польскихъ писателей, хотя многіе его товарищи выступили въ литературѣ гораздо позже его. Онъ родился 6-го мая 1868 года въ селѣ Кобелѣ Великой, Петровской губерніи. Сынъ крестьянина, Реймонтъ типичный «самородокъ». Въ школѣ онъ учился очень мало, безъ системы, во всемъ обязанъ природнымъ дарованіямъ и самодѣятельности. Его жизнь полна скитаній, перемѣнъ профессій, тѣхъ «святыхъ метаній» изъ стороны въ сторону, которыми запечатлѣна жизнь многихъ русскихъ писателей, также вышедшихъ изъ народа. Реймонтъ нѣсколько напоминаетъ Горькаго.

Одно время онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и жилъ въ крестьянской обстановкѣ, носилъ «хлопское» платье, однимъ словомъ, «опростился»; затѣмъ бросилъ село и поступилъ въ труппу кочующихъ актеровъ; нѣсколько разъ получалъ небольшое мѣсто на желѣзной дорогѣ, а въ промежуткахъ снова служилъ на сценѣ и опять оставлялъ ее. Одно время онъ переживалъ религіозный кризисъ и остановился на аскетизмѣ, для чего поступилъ уже въ число послушниковъ Ченстоховскаго монастыря; но кризисъ прошелъ, и снова начались странствова-

нія изъ города въ городъ, отъ одной фабрики къ другой, давшія ему богатый матеріалъ для романовъ и рассказовъ. Неопытный въ матеріальныхъ вопросахъ, поэтъ въ вопросахъ житейскихъ, Реймонтъ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ—жилъ въ Варшавѣ, въ Лодзи, послѣднее время въ Краковѣ и, признанный однимъ изъ выдающихся беллетристовъ, можетъ теперь безбѣдно существовать литературнымъ гонораромъ. Послѣдній его романъ «Chłopi» (Мужики), въ четырехъ частяхъ, показываетъ, что спокойная и сравнительно обезпеченная жизнь выгодно отразилась на его писательствѣ.

## I.

Первый рассказъ Реймонтъ написалъ во время его службы, кажется, старшимъ рабочимъ на желѣзной дорогѣ въ какой-то отдаленной отъ всякихъ центровъ станціи. Всѣмъ, кто слѣдитъ за новѣйшей польской литературой, памятно еще, что лѣтъ одиннадцать тому назадъ наиболѣе распространенный польскій журналъ «Tygodni Ilustrowany» напечаталъ небольшой рассказъ почти неизвѣстнаго до тѣхъ поръ автора, которому суждено было въ скоромъ времени сдѣлаться однимъ изъ самыхъ крупныхъ польскихъ писателей. Рассказъ былъ озаглавленъ «Rilgzzymka do Jasnej Góry» (Паломничество къ Ясной Горѣ) и представлялъ собою впечатлѣнія интеллигентнаго человѣка, который отправился въ Ченстоховъ на богомолье среди многочисленной «компаніи» изъ крестьянъ, мѣщанъ и бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ или же «бывшихъ» только шляхтичей. Критика приняла рассказъ благосклонно; ее подкупили тѣ достоинства, которыми всегда отличаются произведенія Реймонта — сочность и свѣжесть языка, бойкость слога, необыкновенная наблюдательность, прекрасныя характеристики какъ отдѣльныхъ типовъ, такъ и «собирающей души» простого народа. Читателей больше всего подкупили синтезъ рассказа и та особенность, которую критики не задумываясь называли «декадентствомъ». Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ интеллигентный, съ яркой индивидуальностью, нѣсколько насмѣшливый скептикъ, вдругъ слился съ толпою, поддался ея настроенію. «Я отдался во власть потока и плыву, — говоритъ Реймонтъ въ одномъ мѣстѣ «Паломничества». — Куда? Я не спрашиваю, потому что мнѣ хорошо. Чувствую, что съ каждымъ моментомъ я сливаюсь съ ними, вступаю въ какое-то тѣсное мистическое родство съ тѣми душами»... Эта черта была новостью въ польской литературѣ, и рассказъ произвелъ впечатлѣніе.

Немногіе тогда знали, что Владиславъ Реймонтъ — не псевдонимъ, а настоящая фамилія 26-ти-лѣтняго писателя-«самоучки», успѣвшаго уже наполнить не одну редакціонную корзину своими стихотвореніями и напечатавшаго уже нѣсколько рассказовъ въ менѣе распространенныхъ изданіяхъ. Рассказы его стали появляться съ 1893 года и вышли отдѣльной книжкой только въ 1897 году, когда Реймонтъ былъ уже авторомъ большаго романа.

Первый рассказъ, давшій названіе всей книжкѣ, называется «Spotkanie» (Встрѣча). Это страничка изъ исторіи французскаго «треугольника». «Она» отравилась, оставивъ мужу ребенка, котораго тотъ инстинктивно не любилъ и который укорялъ «ея» совѣсть. Послѣ похоронъ отецъ ребенка остался ночевать у мужа, своего пріятеля. Случилось

такъ, что спавшій въ сосѣдней комнатѣ ребенокъ сталъ плакать. «Онъ» подошелъ къ колыбели, взялъ ребенка на руки и сталъ убаюкивать, называя его громко «своей ненаглядной, милой, дорогой малюткой». Вдругъ въ дверяхъ появляется мужъ покойной, грозно протягиваетъ руку и, указывая на дверь, кричитъ громовымъ голосомъ: «Вонъ, воръ, убійца, вонъ!». «Онъ» прижимаетъ къ груди ребенка и убѣгаетъ съ нимъ, слыша за собою все болѣе и болѣе громкій и грозный голосъ обманутаго мужа: «Вонъ, воръ, убійца, вонъ!» Несмотря на движеніе и интересъ фабулы, рассказецъ довольно-таки мелодраматиченъ. Такими же чертами отмѣчается и второй набросокъ, «Сіеніе» (Призраки), изображающій безпокойство и тревоженія тѣхъ, кто вкушаетъ отъ «запретныхъ плодовъ». Извѣстной доли мелодраматичности не лишень и третій этюдъ: «Око и Око» (Съ глазу на глазъ), но здѣсь она окупается прекраснымъ описаніемъ весенняго утра, полевыхъ работъ и лѣса, который спасаетъ Юрія, вожака городской «золотой молодежи», заставивъ его, разочарованнаго, соскучившагося и желающаго наложить на себя руки, опять полюбить природу и людей.

Эти три рассказа взяты изъ жизни интеллигенціи, остальные, вошедшіе въ сборникъ, рисуютъ крестьянскую среду, которую авторъ прекрасно знаетъ, такъ какъ самъ онъ вышелъ изъ нея. Жизнь простого народа, конечно, имѣетъ свои хорошія стороны. Ихъ-то первый разъ и увидѣлъ дворянинъ Кубицкій, служащій старшимъ рабочимъ на желѣзной дорогѣ и снимающій избу у зажиточнаго крестьянина Вавржона. Былъ сочельникъ, повсюду шли приготовленія къ праздникамъ. Кубицкій взялъ отпускъ, пошелъ на станцію, чтобы провести Святки у кого-нибудь изъ знакомыхъ, но всѣ они показались ему такими чужими, что онъ нарочно пропустилъ поѣздъ и вернулся домой. Подъ вліяніемъ одиночества и бездомности, онъ упалъ на постель и заплакалъ страшными слезами мужчины, плачемъ, который раздираетъ душу, гнететъ ее, жжетъ, какъ огонь, и такъ щемитъ, щемитъ... Вокругъ тихо и уныло. Только спазматическій плачъ разсѣкъ воздухъ кровавой полосой безнадежнаго отчаянія и плылъ въ безконечность жалобой и грустью. Кубицкій былъ одинокъ въ чужомъ селѣ, среди чужихъ людей... Хозяева пригласили его на сочельникъ и до того плѣнили своей патріархальностью, а дочь ихъ Марцыся—своей свѣжестью и красотой, что онъ рѣшилъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ и навсегда остаться жить въ деревнѣ. Нужно думать, что современемъ онъ узналъ деревню лучше и убѣдился, что жить въ ней подчасъ и трудно, и горько, но когда онъ на другой день летѣлъ на саняхъ съ Марцысей изъ костела и объяснялся въ любви, ничто не омрачало ихъ молодой радости.

— Марцыся, любишь? Любишь ты меня?—шепталъ Кубицкій, ничего уже не слыша отъ счастья.

— Стахно мой, Стахно!—отвѣчала дѣвушка ласково и, схвативъ его руку, молча поцѣловала.

А потомъ они замолчали, и только глаза ихъ радостно смѣялись, только сердца ихъ преисполнены были счастья и любви... И были они счастливы, счастливы, счастливы («szczes'liwi»).

Можно догадаться, что послѣдній рассказъ имѣетъ автобіографическое значеніе. Если Кубицкій-Реймонтъ идеализировалъ крестьянскій бытъ—подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и своего одиночества, то впослед-

ствіи онъ разочаровался въ немъ, и послѣдній его романъ «Chlori» рисуетъ эту жизнь далеко не въ привлекательномъ видѣ. Кубицкій, должно быть, скоро убѣдился, что гораздо счастливѣе тѣ двое крестьянскихъ сиротъ, которыя замерзли въ лѣсу, возвращаясь домой съ похоронъ матери («Zawieciucha» (Вьюга), чѣмъ тотъ престарѣлый крестьянинъ, польскій король Лиръ, который отдалъ землю одной дочери, а къ другой пришелъ умирать и умеръ въ хлѣву, куда его, умирающаго, заволокла безчеловѣчная дочь («Smierc»); что собака, спасающая своихъ щенятъ цѣною собственной жизни, несравненно выше крестьянки-матери, которая истязаетъ ребенка («Suka»); что, наконецъ, далеко не патриархальны тѣ условія, среди которыхъ поденщикъ, потерявшій работу, не находитъ помощи ни у помѣщика, ни у священника, ни у крестьянъ и самъ отправляетъ падалью своего собственного сынишку («Tomek Baran»).

Уже эти первые наброски свидѣтельствовали о недюжинномъ талантѣ, изобличали въ Реймонтѣ, по свидѣтельству критики, «большую и мощную руку»; пейзажи здѣсь написаны колоритно и съ настроеніемъ, иногда музыкально. Особеннымъ успѣхомъ среди рассказовъ перваго сборника пользовались «Смерть» и «Томка Баранъ», и нельзя не согласиться съ критикомъ Яномъ Стеномъ, когда онъ говоритъ, что «немного найдется произведеній, которыя могли бы сравняться съ этой потрясающей картиной крестьянской нищеты», и припоминаетъ «Ткачей» Гауптмана. Конечно, были въ нихъ и недостатки: указанный раньше мелодраматизмъ, нѣкоторое пустословіе, растянутость. Правда, Реймонтъ до сихъ поръ не вполне отдѣлался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но недостатки эти были неизбежнымъ слѣдствіемъ чрезвычайно кинучаго, стихійнаго и совсѣмъ еще неопытнаго, въ смыслѣ техники, творчества.

Неумѣніе пользоваться матеріаломъ особенно рѣзко бросается въ глаза въ первыхъ двухъ большихъ романахъ Реймонта, которые, собственно говоря, составляютъ одинъ трехтомный романъ. Это «Komedyantka» («Комедіантка», 1896 г.) и «Fermenty» («Дрожжи», 1897 г., два тома), исторія нѣсколькихъ лѣтъ жизни страстной и гордой женской души. Двдцатилѣтняя дѣвушка Янка Орловская, дочь начальника станціи Буковца, была «высокаго роста, прекраснаго сложенія, широкоплечая, съ гордымъ, импонирующимъ взглядомъ. Черты ея лица не отличались правильностью: глаза—черные, лобъ—прямой, слишкомъ широкій, брови—темныя, рѣзко обозначенныя, носъ—римскій, ротъ—полный и красный. Глаза имѣли глубокое выраженіе какого-то внутренняго самосозерцанія, ротъ она сжимала крѣпко, что придавало ей видъ серьезности или скрытной злобы. Двѣ глубокія морщины омрачали ея свѣтлый лобъ. Свѣтлорусые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ съ напускомъ, покрывали, словно вѣнецъ, ея круглую и небольшую голову. Цвѣтъ лица у нея былъ золотистый, точно цвѣтъ персика, голосъ—странный; это былъ альтъ, переходящій иногда въ мужской баритонъ». Отецъ Янки былъ почти сумасшедшій, мать постоянно болѣла и скоро умерла отъ нервнаго истощенія. Скрытная, упрямая и до такой степени вспыльчивая, что, ссорясь съ отцомъ, она «въ припадкѣ ярости походила на молодого барса, готоваго броситься и кусать», Янка задыхалась въ окружающей ея обстановкѣ. Однажды знакомые пригласили Янку принять участіе въ любительскомъ спектаклѣ. Она приняла приглашеніе, сыграла роль лучше всѣхъ, и это обстоя-

тельство рѣшило ея участь. Она бросила отца, сбѣжала въ Варшаву и тамъ поступила въ актрисы; затѣмъ скиталась съ провинціальной труппой. Это была жизнь въ театральномъ болотѣ, среди голода и холода, среди маньяковъ и истеричекъ. Разочарованная, изможденная нуждою и горемъ, постоянно осаждаемая толпою наглыхъ ухаживателей, Янка, наконецъ, бросается въ тотъ омутъ, который неразрывно связанъ съ закулисной сценой. Ея «грѣхъ» обошелся ей очень дорого: она не могла перенести своего позора и приняла ядъ. Ее отыскиваютъ въ больницѣ отецъ и Гжесикевичъ, сынъ крестьянина, богатый и образованный молодой человекъ, знакомый Янки съ дѣтскихъ лѣтъ и страстно ее любившій. Они привозятъ ее домой. Молодая натура борится со смертью. Янка выздоравливаетъ и послѣ продолжительной борьбы выходитъ замужъ за Гжесикевича. Ей приходится жить въ одномъ домѣ со свекромъ—грубымъ, пьющимъ мужикомъ, и со свекровью—запуганной глупой бабой. Янка долго мучится, долго бьется, какъ птица въ силкѣ, но, наконецъ, сдается, становится хорошей хозяйкой, заботливой женой и любящей матерью, но никто не знаетъ, какихъ страданій стоила ей эта переменна... Такимъ образомъ, Янка не сдѣлалась знаменитостью, идеалъ которой она видѣла въ Моджеевской. Романъ «Дрожжи» рисуетъ этотъ трагическій переходъ страстной и неуравновѣшенной природы въ типичную самку-мѣшанку, рисуетъ послѣднія вспышки «дрожжей молодости», молодости бурной и безобразной. И читателю иногда становится страшно за героиню, когда эта не выкипѣвшая еще до остатка молодость даетъ о себѣ знать...

Въ романѣ находимъ прекрасныя описанія природы, превосходныя сцены изъ жизни актеровъ и массу дѣйствующихъ лицъ, очерченныхъ въ большинствѣ случаевъ мастерски. Всѣ эти лица живутъ, движутся, всѣ сцены—интересны, но есть и крупный недостатокъ: по справедливому замѣчанію Фельдмана, «почти всѣ лица хотятъ стоять на первомъ планѣ, почти всѣ сцены хотятъ быть кульминаціонными». По мнѣнію другого критика, И. Матушевскаго, «Комедіантку» Реймонта нельзя назвать ни психологическимъ романомъ въ стилѣ Бурже или Стендаля, ни философски-общественнымъ романомъ въ духѣ Бальзака и Толстого. Особенно бросается въ глаза масса фигуръ, и въ общемъ получается нѣчто какъ будто незаконченное, хаотическое; сцена за сценой не идутъ въ порядкѣ «логическомъ», а потому нѣтъ синтеза. Неестественна встрѣча Янки съ какимъ-то таинственнымъ старцемъ на берегу Вислы, плохо придуманы ея безконечныя и всегда страшныя сны, по которымъ читатель можетъ догадаться о дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія, и т. д. Смирившуюся и опустившуюся Янку критикъ сравниваетъ съ Наташей «Войны и мира», хотя самъ замѣчаетъ существенную разницу между обѣими героинями: Янка вышла замужъ не любя, попадаетъ въ совершенно непривычную обстановку, въ менѣе культурную среду, а потому гораздо дольше, чѣмъ Ростова, претивится «офилистериванью», которое охватываетъ ее вполне только послѣ рожденія перваго ребенка.

Отъ этихъ въ сущности чисто техническихъ недостатковъ Реймонтъ не избавился и въ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ. Дѣйствующія лица нагромождены у него другъ на друга въ такомъ изобиліи, что не всегда можно уловить главный ходъ романа; центръ дѣйствія часто затемняется второстепенными фактами, безъ которыхъ можно было обой-

тись, и читатель замѣтно утомляется, не зная, за кѣмъ слѣдить, кому симпатизировать, кѣмъ возмущаться. Очевидно, протокольно-реалистическая школа Зола была понята имъ слишкомъ односторонне.

## II.

Жизнь Реймонта среди провинціальныхъ актеровъ, какъ мы видѣли, дала ему матеріаль для «Комедіантки». Служба на фабрикахъ въ Лодзи познакомила его съ не менѣе интереснымъ міромъ—міромъ наживы, бѣшеной погони за милліонами и «войной изъ-за золота» среди каскада денегъ и безденежныхъ векселей, среди злостныхъ банкротствъ, безсовѣстной конкуренціи и поджоговъ, среди эксплуатаціи труда капиталомъ и разврата фабричныхъ, которымъ положительно некуда дѣться изъ «оргіи красокъ» ситцевыхъ мастерскихъ, изъ палящаго жара душной сушильни, изъ адскаго шума машинъ прядильни и т. д. Большой романъ Реймонта изъ лодзинской жизни называется «Ziemia obiecana» («Земля обѣтованная»), вышелъ въ 1898 году и пользуется успѣхомъ среди польскихъ читателей, хотя и отличается тѣми же недостатками, что и первый его романъ: растянutosью, отсутствіемъ цѣльности, массой второстепенныхъ героевъ и сценъ, замѣтной тенденціозностью.

Уже начало первой главы показываетъ, что «землю обѣтованную» кто-то думаетъ найти въ дрожащихъ отъ грохота машинъ стѣнахъ фабричныхъ красныхъ зданій. Рѣзкіе фабричные свистки призываютъ къ труду и своими металлическими гортанями напоминаютъ хоръ исполинскихъ пѣтуховъ. На фонѣ тусклаго осенняго утра появляются силуэты рабочихъ въ грязныхъ блузахъ, тѣхъ рабочихъ, изъ пота которыхъ рождается золото... Огромныя мастерскія принимаютъ ихъ толпы въ свою ненасытную пасть, и начинается работа среди душной фабричной атмосферы, среди лавы красокъ и безконечныхъ лентъ дешеваго ситцу, работа, обогащающая богатыхъ и разоряющая нищихъ... Трудно представить себѣ обстановку болѣе тяжелую, болѣе гнетущую, чѣмъ фабричный городъ. Его «пейзажи» безжалостно унылы. «По водосточнымъ канавамъ текли отбросы фабрикъ, подобно грязно-желтымъ, краснымъ и синимъ лентамъ. Изъ нѣкоторыхъ фабрикъ потокъ этотъ былъ такъ обилентъ, что не вмѣщался въ мелкихъ канавахъ и выступалъ за края, заливая тротуары цвѣтными волнами вплоть до пороговъ безчисленныхъ лавчонокъ, зіявшихъ темными, грязными помѣщеніями съ запахомъ гнили, селедокъ, лука и алкоголя. Старые, ободранные, съ обсыпающей штукатуркой дома, на которыхъ, точно раны, выступали голые кирпичи. Мѣстами—деревянныя постройки изъ простого известняка, который трескался и сыпался отъ дверей и оконъ, съ кривыми рамами и косяками. Искривленные, истощенные, они казались отвратительнымъ рядомъ домовъ-труповъ, между которыми протискивались новые трехэтажные колоссы съ безчисленными окнами, еще не оштукатуренные, безъ балконовъ, построенные начерно, но уже полные людского шума и стука станковъ, которые работали, несмотря на воскресенье, гула машинъ, ткавшихъ дешевку для вывоза, и пронзительнаго лязга прялокъ, сучившихъ пряжу для ручныхъ станковъ». А рядомъ со всѣмъ этимъ—сказочная роскошь тѣхъ, кто умѣетъ и призванъ судьбой къ «великому» дѣлу эксплуатаціи рабочей силы на

«вполнѣ законной» почвѣ промышленности. Лодзь—городъ контрастовъ.

И страшно подумать, какъ этотъ городъ контрастовъ привлекаетъ къ себѣ толпы голодныхъ людей изъ деревни потому только, что и имъ «захотѣлось городского платья, часовъ и разврата», какъ говоритъ женщина, у которой мужъ попалъ въ маховое колесо и погибъ въ немъ. Благодаря постоянному притоку свѣжихъ рабочихъ рукъ, на нихъ установился совершенно опредѣленный взглядъ. Реймонтъ рисуетъ отвратительную сцену, какъ конторщики выгоняютъ женщину, явившуюся просить пособія за увѣчье мужа-рабочаго. Когда одинъ изъ служащихъ, Горнъ, далъ ей совѣтъ обратиться къ адвокату и искать съ фабрики путемъ суда, директоръ нашелъ, что тотъ «превышаетъ» свою власть.

— Какое у васъ мѣсто здѣсь? — спросилъ его директоръ при встрѣчѣ.

— Практиканта-конторщика. Панъ директоръ вѣдь знаетъ это очень хорошо...

— Ну, такъ, пане Горнъ, мнѣ кажется, что вы не кончите этой практики.

— Въ сущности, мнѣ это уже все равно.

— Но намъ не все равно, намъ, фабрикѣ, въ которой вы являетесь однимъ изъ милліоновъ колесиковъ. Мы приняли васъ не затѣмъ, чтобы вы проявляли здѣсь свою филантропію, а чтобы работали. Вы вносите сюда замѣшательство, а здѣсь все основано на совершеннѣйшей спеціализаціи, на правильности и единствѣ.

— Я не машина, а человекъ.

— Дома. На фабрикѣ у насъ не требуютъ экзаменовъ по гуманитариности. Фабрикѣ нужны ваши мускулы и вашъ мозгъ, и только за это вамъ платятъ. Вы здѣсь машина, такая же, какъ мы все, а потому дѣлайте то, что васъ касается. Здѣсь не мѣсто для телячихъ нѣжностей.

И директоръ назвалъ заступничество Горна «ребяческой демагогіей». Очевидно, онъ раздѣлялъ мнѣніе другого конторщика, нѣмца Шварца, который «объяснялъ» смерть рабочаго съ точки зрѣнія капитала.

— Этотъ хамъ нарочно сунулъ свою башку подъ колесо, потому что ему не хотѣлось работать—ему хотѣлось содрать съ фабрики. А теперь мы плати за его бабу и за бастардовъ!

А такихъ, какъ Шварцъ,—большинство среди служащихъ у капитала. Когда одинъ изъ нихъ предлагаетъ тостъ за процвѣтаніе и развитіе промышленности, другой отвѣчаетъ:

— Я не пью за такую промышленность. Пусть подохнетъ она, а съ нею и все ея «молодцы». Молчи, Куровскій, потому что и ты опаршивѣлъ среди этихъ молодцовъ: живешь и работаешь, какъ выучный скотъ, а зарабатываешь гроши.

Какъ смотрятъ не только на простыхъ рабочихъ, но и на тѣхъ, чей мозгъ работаетъ для этого «процвѣтанія промышленности», показываетъ слѣдующій разговоръ между владѣльцамъ фабрики и однимъ изъ ея директоровъ.

— Я вамъ далъ лошадей и заставилъ васъ править ими безъ кнута и безъ вожжей,—говоритъ Гухгольцъ Боровецкому.

— Сравненіе само по себѣ недурное, только оно не очень примѣнимо ко всемъ намъ, работающимъ у васъ.

— Я не примѣняю его къ вамъ и къ нѣкоторымъ вашимъ, понимаете, товарищамъ... нѣкоторымъ, а только къ черной рабочей массѣ.

— И рабочая масса тоже люди.

— Скоты, скоты!—крикнулъ онъ, ударяя изъ всей силы палкой по табурету.—Вы не смотрите на меня такъ: я могу это говорить, потому что кормлю ихъ!

— Да, но они достаточно работаютъ за вашу кормь.

— Я имъ даю заработокъ, они должны цѣловать мнѣ ноги. Если бы не я, то что съ ними было бы?

— Они нашли бы работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Издохли бы съ голода, пане Боровецкій, какъ собаки подошли бы.

### III.

И вотъ «невольные эксплуататоры» цѣликомъ воспринимаютъ убѣжденія своего патрона, а въ немъ мало человѣческихъ чертъ. Фигура фабриканта миллионера Бухгольца нарисована у Реймонта очень пластично. Большой, злой, ворчливый, грубый и циничный, онъ цѣнитъ людей постолько, поскольку они приносятъ ему пользу. Его прислуга не знаетъ другого имени, кромѣ «каналыи», и это было чуть ли не единственнымъ словомъ, которое выучилъ попугай въ пустынномъ домѣ Бухгольца. Рекомендуя знакомымъ своего постоянного доктора, онъ говоритъ, что докторъ—мягкій человѣкъ: «У него нервы какъ будто ватой закутаны. Я ему даю вату для нервовъ въ видѣ денегъ. Я хорошо плачу». И въ теченіе всего обѣда старый миллионеръ издѣвается надъ лакеями, надъ докторомъ, которому «хорошо платить». Тяжелое впечатлѣніе производитъ сцена разборки корреспонденціи. Когда владѣлецъ фабрики находитъ письмо съ просьбой о помощи, то обыкновенно только смѣется, бросаетъ письмо въ печь и желаетъ просителю «издохнуть».

— Вы видите, какъ меня цѣнятъ люди,—иронизируетъ онъ, уничтожая всѣ такія письма.—Какъ любятъ мои рубли!

На слова людей Бухголецъ не обращаетъ ровно никакого вниманія. Что ему слова, когда онъ цѣнитъ только выгоду? Онъ не скрываетъ своей радости, когда убѣждается, что его ненавидятъ. Онъ знаетъ причину ненависти. Это—его богатство, его миллионы. Среди писемъ попадаются и ругательныя. Его называютъ «атаманомъ лодзинскихъ разбойниковъ», «подлымъ псомъ и извергомъ» и т. д., а Бухголецъ еще больше смѣется.

— Онъ съ юморомъ,—говоритъ старикъ объ авторѣ ругательнаго письма.—Ха, ха, ха... веселая скотина!

Ему доставляетъ удовольствіе насмѣхаться надъ людьми, мучить ихъ, травить, заплевать ихъ душу. Дикимъ цинизмомъ отдаетъ его объясненіе по поводу замѣчанія Боровецкаго, что, ненавидя бѣдняковъ, онъ всетаки даетъ ежегодно нѣсколько тысячъ на общественныя дѣла. Бухголецъ говоритъ, что «бросаетъ кость толпѣ».

— Прежній принципъ «благородство обязываетъ» замѣнился теперь другимъ «милліоны обязываютъ»,—говоритъ Боровецкій.

— Глупый нигилистическій принципъ. Какое мнѣ дѣло, что люди дохнутъ отъ голода? Пусть дохнутъ! Мнѣ никто не далъ ни гроша, я все долженъ былъ вырвать своими руками, все заработать. Почему я



долженъ давать другимъ, за что? Пусть кто-нибудь докажетъ мнѣ, что я долженъ. И кому давать? Панамъ, которые прокутили имѣнія? Пусть ихъ чортъ поберетъ! Здѣсь у васъ всѣ хотятъ брать, и никто ни хочетъ заработать. Если бы кто-нибудь изъ васъ, подобно мнѣ, могъ придти въ Лодзь, приняться за работу, то тоже разбогатѣлъ бы. А почему этого не было?—Потому что вы въ то время дѣлали у себя революцію. Ха, ха... Донъ-Кихоты!..

И всетаки миллионы такъ привлекательны, что трое молодыхъ людей, служащихъ на фабрикѣ, начинаютъ мечтать о нихъ. Это уже знакомый намъ шляхтичъ Боровецкій, настоящій «Lodzermensch», на хорошемъ счету у собственника фабрики, человекъ дѣла, въ одно и то же время безличный и слабый, энергичный и благородный, безсовѣстный и недальновидный. Его товарищи—«подлый жиденокъ» Мориць и «глупый сентиментальный нѣмецъ» Максъ Баумъ. Они не находятъ себѣ покоя среди всеобщей пляски миллионеровъ. Они искренно считаютъ умными тѣхъ «хамовъ», которые добились уже этихъ миллионеровъ, какихъ бы средствъ это имъ не стоило.

— Что тебѣ до того, воры ли они или порядочные люди?—говоритъ Мориць «радикалу» Максу.—Мы всѣ живемъ здѣсь, въ Лодзи, чтобы сдѣлать гешефтъ, чтобы хорошо заработать. Никто изъ насъ не будетъ жить здѣсь до смерти, но всякій загребаетъ деньгу, какъ можетъ и какъ умѣетъ.

И никого изъ «лодзерменовъ» нельзя удивить способами этого зарабатыванья.

— Что слышно въ городѣ?—спрашиваетъ утромъ Боровецкій своего лакея.

— Да ничего, только на Гаеровскомъ рынкѣ зарѣзали работника, да еще сгорѣла фабрика Гольдберга. Въдила наша охотничья команда, но все окончилось «удачно», остались только стѣны. Начался пожаръ въ сушильнѣ...

— Что еще?

— Ничего, все сошло fein, съ глянцемъ.

Боровецкій не удивился, потому что въ Лодзи всѣ знали еще мѣсяцъ тому назадъ, что Гольдбергу «нужно сгорѣть».

Канву романа составляютъ неудачныя стремленія трехъ молодыхъ людей основать собственную фабрику и во что бы то ни стало стать миллионерами. Они основываютъ фабрику по примѣру большинства лодзинскихъ «дѣлателей промышленности». Когда одинъ изъ компаньоновъ высказываетъ сомнѣнія въ успѣхѣ предпріятія, потому что «у меня нѣтъ ничего, у тебя нѣтъ ничего и у него нѣтъ ничего», то ему отвѣчаютъ:

— А вмѣстѣ у насъ столько, ровно столько, сколько нужно для открытія большой фабрики! Что мы потеряемъ? А заработать всегда можно...

Первой удачей въ задуманномъ дѣлѣ была находка Боровецкимъ чужой телеграммы съ извѣстіемъ, что цѣна на хлопчатую бумагу скоро поднимется. Эту телеграмму онъ нашелъ въ будуарѣ своей любовницы, красивой еврейки Люси Цукеровой. Боровецкій узналъ, что Кноль уже поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы покупать бумагу и захватить въ свои руки всѣхъ мелкихъ торговцевъ. Теперь ему нужны были только деньги, и ихъ онъ нашелъ у своей невѣсты Анки, которая отдаетъ все приданое.

И вотъ начинается бѣшеная работа небольшихъ денегъ и большихъ долговъ. Товарищъ ихъ Морицъ обманываетъ Боровецкаго, и предпріятіе оканчивается катастрофой. Исполнились пожеланія той вдовы съ дѣтьми, которая напрасно требовала съ фабрики вознагражденія за убитаго мужа.

— Пусть морь посѣтитъ это мѣстечко Лодзь! Пусть огонь ее спалитъ! Пусть ужъ Іисусъ Христосъ ничего ей не пожалѣетъ, чтобы всѣ въ ней издохли, всѣ до одинаго!

«Земля обѣтованная» не была дебютомъ Реймонта, тѣмъ не менѣе она вызвала цѣлый рядъ критическихъ статей, и всѣ почти критики высказали разныя мнѣнія. Русскимъ читателямъ будетъ небезынтересно познакомиться съ отзывами хотя бы главныхъ польскихъ критиковъ.

По мнѣнію Яна Стена, Реймонтъ «съ удивительной пластичностью. представилъ множество лодзинскихъ дѣятелей, надѣлилъ ихъ такою же наружностью, какая у нихъ въ дѣйствительности, заставилъ ихъ говорить ихъ собственнымъ языкомъ, увѣковѣчилъ ихъ пошлыми смѣхотворными дѣлишками. Эти Бухгольцы, Мендельсоны, Эдельманы живутъ чрезвычайно интенсивной жизнью, но не возвышаются до значенія типа». Мазановскому не нравится то, что Реймонтъ ввелъ слишкомъ много отрицательныхъ характеровъ; что онъ ввелъ «цѣлыя сотни дѣйствующихъ лицъ, о которыхъ затѣмъ какъ будто самъ забывалъ», на примѣръ: миллионеръ Боргманъ, о которомъ послѣ даже не упоминаетъ; что «теряются нити главной фабулы, потому что ее переполняютъ эпизодическія сцены и картины»; что «люди у Реймонта чрезвычайно много говорятъ». Но все таки, по мнѣнію критика, «писатель далъ полную, разноцвѣтную и очень интересную картину—почти осязательную модель вращающейся машины фабричной жизни... Описаніе сценъ, предметовъ и картинъ природы дышитъ мощью, необыкновеннымъ, оригинальнымъ и крѣпкимъ, размашистымъ талантомъ писателя, и талантомъ иногда безпокойнымъ, иногда любящимъ утрировку, но все таки всегда и во всемъ умѣющимъ заставить недовѣряющую и сопротивляющуюся душу читателя внимать, одобрять, даже восхищаться». Матушевскаго не удовлетворяетъ синтетическая сторона романа, которая слишкомъ бѣдна въ сравненіи съ богатствомъ наблюденій, замѣтокъ и картинъ, писанныхъ прямо съ природы. «Авторъ,—говоритъ онъ,—съ великою искренностью и силой возсоздалъ всѣ впечатлѣнія, какія на него произвела отвратительная борьба изъ-за рубля, но не принялъ, какъ слѣдуетъ, во вниманіе требованій перспективы и не сумѣлъ сгармонизировать этихъ по своей природѣ яркихъ тоновъ въ одно колоритное цѣлое. Вышло это такъ потому, что авторъ не опредѣлил точки зрѣнія, съ какой онъ смотритъ на Лодзь. Сначала онъ ведетъ дѣло совсѣмъ объективно, а затѣмъ критически. Нѣкоторое время героемъ романа представляется весь городъ, а подъ конецъ выдвигается впередъ одинъ герой, котораго, собственно говоря, нельзя считать продуктомъ, а скорѣе жертвой почвы и атмосферы польскаго Манчестера». Какъ бы то ни было, Матушевскій признаетъ за писателемъ ту заслугу, что Реймонтъ раскрылъ намъ тайны культа отвратительнаго божества, а такъ какъ онъ совершилъ это при помощи великаго, искренняго и мощнаго таланта, то онъ создалъ произведеніе, несмотря на нѣкоторые его недостатки, необыкновенное и какъ романъ, и какъ общественный документъ.

А. Брюкнеръ сравниваетъ «Землю обѣтованную» съ романомъ «Хлопчатая бумага» Косякевича. Если у Косякевича на первомъ планѣ стоитъ самая фабрика, ея порядки, работы и т. д., то у Реймонта горизонтъ значительно расширенъ: «расы и народности—семитическая, нѣмецкая, польская; «тройка» ихъ представителей—Морицъ, Баумъ и Боровецкій, а за ними цѣлая волна другихъ, большихъ и малыхъ грабителей, львицъ и разнообразнѣйшихъ самокъ, все это катится въ эпическомъ порывѣ, бросая насъ во всевозможныя фазы и подробности лодзинской жизни, отъ будуаровъ милліонершъ до ночныхъ пивныхъ, отъ оргіи съ шампанскимъ до укрывательства больного мужика въ полѣ. Въ этомъ водоворотѣ половъ, красокъ, голосовъ, движеній, плановъ, подлости, безсилія, страсти почти гибнутъ второстепенныя лица; вставные эпизоды прибавляются до безконечности и въ ущербъ цѣльности». Благодаря этой особенности конструкціи романа, читатель скоро утомляется и перестаетъ интересоваться главными героями—та же черта, которую мы замѣтили въ «Комедіанткѣ». В. Фельдманъ оцѣниваетъ романъ съ точки зрѣнія своей партіи, поэтому его отзывъ слишкомъ строгъ и не всегда справедливъ. Мы охотно соглашаемся съ нимъ, когда онъ говоритъ, что Реймонтъ «даетъ слишкомъ много шаблона и карикатуръ»; что, «общая положительныя типы, онъ не даетъ имъ ни крови, ни жизни»; что «ни одинъ отрицательный характеръ не загрязненъ у него до такой степени, какъ Боровецкій»,—но мы не стали бы вмѣстѣ съ Фельдманомъ упрекать писателя за то, что онъ не вывелъ на первый планъ «борьбы, въ сферѣ которой всѣ народности солидарны», и думаемъ, что такого рода требованія критика вполне произвольны.

### III.

Съ каждымъ новымъ произведеніемъ техника Реймонта становится болѣе совершенной. Разбирая «Комедіантку» и «Дрожжи», И. Матушевскій могъ еще говорить, что со своимъ талантомъ Реймонтъ обходится «поварварски»; что, обладая необыкновенной способностью рисовать живые, индивидуальныя и выпуклыя образы, онъ не умѣетъ группировать ихъ; что, хотя композиція названныхъ повѣстей какъ будто говорить о спѣшности, о лихорадочности работы, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ производить впечатлѣніе не только на обыкновеннаго читателя, но и на требовательнаго критика. Съ выходомъ новыхъ произведеній Реймонта, И. Матушевскій не отказывается беллетристу въ прежнихъ похвалахъ, но въ то же время не только умѣряетъ, но и беретъ обратно эти упреки; оказалось, что въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ Реймонтъ не оставался на мѣстѣ, а двигался впередъ «исполинскими шагами». Дѣло въ томъ, что ошибки беллетриста происходили не отъ недостатка силъ, а какъ разъ наоборотъ—отъ ихъ избытка. «Дорвавшись до пера, онъ чувствовалъ въ себѣ непомѣрную потребность выложить изъ запасовъ воображенія цѣлую толпу фигуръ, которыя въ немъ родились, взывая о жизни. Ихъ было такое количество, что писатель не могъ распорядиться съ ними попросту, не могъ подчинить ихъ какой-нибудь дисциплинѣ, сгруппировать ихъ такъ, чтобы одна фигура не затемняла другой. Все это роилось и вертѣлось, словно пчелы въ ульѣ, и жило дѣйствительной жизнью, а не бумажной. И настала пора, когда писатель одер-

жалъ верхъ надъ своимъ страстнымъ темпераментомъ, когда онъ понималъ, что къ артистичности въ искусствѣ ведетъ дорога, полная жертвъ. «Въ умѣренности обнаруживается мастеръ», сказалъ Гёте, который обладалъ не только необыкновеннымъ гениемъ, но и очень сильнымъ умомъ вмѣстѣ съ критическимъ чутьемъ, что, какъ извѣстно, не всегда идетъ одно съ другимъ объ руку».

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, отдѣляющихъ романъ «Ziemla obiecana» отъ большого еще не конченнаго романа «Chłopi», Реймонтъ продолжалъ двигаться впередъ и написалъ нѣсколько рассказовъ. Лучшій изъ нихъ «Pewnego dnia» (Однажды). Крестьянинъ Плишка, бывшій солдатъ, управлялъ на фабрикѣ подъемной машиной.

— Машина, четвертый! — слышалась команда, и Плишка тянулъ веревку, поднимаясь плавно вверхъ, словно уродливый паукъ по раскинутой паутинѣ.

— Машина, красильня! — и Плишка опускался внизъ, въ темноту; только сквозъ четырехугольныя отверстія въ стѣнахъ мелькали у него передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, этажи, залы, люди, машины, товары, окна...

Работа его совершенно бессмысленная, безъ всякой съ его стороны инициативы. Онъ — одинъ изъ «унтеръ-офицерской огромной рабочей арміи, которая наполняетъ фабрику. Онъ — небольшое и бессмысленное колесо въ огромной промышленно-экономической машинѣ. Плишка ѣздилъ такъ уже 20 лѣтъ, никогда не хворалъ, никогда не бралъ отпуска. Онъ былъ самой старой машиной на фабрикѣ, только машиной, потому что мало-по-малу онъ забывалъ себя самого, свою собственную жизнь, и случались минуты, когда онъ уже совершенно не зналъ, что онъ дѣлалъ когда-то и гдѣ онъ жилъ». Плишка жилъ только жизнью фабрики, понималъ и чувствовалъ только жизнь машины; только о ней думалъ со страхомъ и безконечнымъ умиленьемъ. Какое ему было дѣло до людей, что протекали черезъ фабрику, какъ волна, что сторожили машины, какъ собаки, что прижимались, какъ ничтожныя тѣни, къ колоссамъ, зависѣли отъ нихъ, жили, благодаря этимъ бессмертнымъ и страшно мудренымъ, и страшно могучимъ машинамъ? И вотъ ставшій почти автоматомъ Плишка однажды затосковалъ по деревнѣ и рѣшилъ туда вернуться.

Онъ выпросилъ отпускъ, раннимъ утромъ вышелъ изъ города и пустился почти бѣгомъ. Пробѣжавъ мимо фабрики съ зажмуренными глазами, онъ только въ полѣ подъ лѣсомъ перевелъ дыханье. Вдругъ раздаются пронзительныя фабричныя свистки... Плишка все бѣжитъ... Но когда послышался знакомый могучій свистокъ его фабрики, Плишка остановился и... спустя полчаса онъ снова стоялъ на своей машинѣ. Очевидно, за время долгой бессмысленной работы у него исчезъ и самый инстинктъ свободы. Въ этомъ рассказѣ все на своемъ мѣстѣ, все необходимо, во всемъ видна опытная, умѣлая рука мастера. Изъ него, какъ изъ пѣсни, не выбросишь слова.

Что приведенный рассказъ Реймонта выше второго его рассказа «Sprawiedliwie» (Справедливо), не можетъ быть двухъ мнѣній. Фабула его довольно несложная. Въ селѣ часто происходятъ столкновенія между мужиками и управляющимъ, который ихъ эксплуатируетъ. Спорить съ нимъ на юридической почвѣ у мужиковъ нѣтъ никакой

возможности, и остаются такія средства, когда законъ всегда будетъ на сторонѣ «обиженного». Такимъ обиженнымъ и оказался управляющій, а оскорбившій его мужикъ попадаетъ въ тюрьму. Оттуда онъ бѣжитъ и добирается до родной деревни послѣ цѣлаго ряда приключеній и лишеній. Въ хатѣ старухи-матери онъ находитъ пріютъ, нѣсколько дней скрывается тамъ и уже дѣлаетъ приготовленія для эмиграціи въ Америку, какъ до него доходитъ сначала только неясный слухъ, что его разыскиваютъ. У матери онъ былъ единственнымъ сыномъ. Она любила его и все время говорила о «несправедливости», повисшей надъ ихъ хатой. Когда опасность была уже близко, мужикъ изъ мести поджигаетъ стога хлѣба, и вся деревня уничтожена пожаромъ. Надъ поджигателемъ мужики устраиваютъ судъ Линча и бросаютъ его въ огонь. Очень сильная послѣдняя сцена, объясняющая заглавіе разсказа. Когда старуха увидела расправу мужиковъ съ сыномъ, она упала и закричала:

— Справедливо!

Мысль разсказа въ сущности не нова. Это — обычная трактовка «экономической» природы крестьянина, которая сильно реагируетъ на матеріальные вопросы и остается инертной въ вопросахъ морали. Кромѣ того, какъ объясняетъ Матушевскій, «солидарность съ общественной группой, которую нарушилъ легкомысленный поджигатель, одерживаетъ верхъ надъ инстинктомъ материнства. Она защищала сына, подобно львицѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ поступалъ, какъ настоящій мужикъ, дѣйствовалъ въ предѣлахъ естественнаго права возмездія; но лишь только молодой авантюристъ переступилъ мѣру въ мести и обидѣлъ цѣлую деревню, чувство справедливости приказало матери осудить сына». Мы несогласны съ критикомъ въ одномъ пунктѣ, будто Реймонтъ достигъ сильнаго драматическаго эффекта простыми средствами, не нарушая ни мѣры, ни пропорціи. Если разсказъ «Справедливо» — вещь сильная, энергичная, выразительная, цѣльная, если она живая, богатая дѣйствіемъ и типами, то все-таки фабула разсказа и особенно заключительная сцена намъ кажется мелодраматичной.

Можно думать, что подобными внѣшними эффектами у Реймонта замѣняется искренность въ творчествѣ; что онъ не чувствуетъ того, о чемъ пишетъ, и, скорѣе всего, безсознательно подогрѣваетъ тѣ мѣста своихъ повѣстей, гдѣ должна быть сила чувства. Поэтому надо согласиться со Стеномъ, что «въ творчествѣ Реймонта замѣчается полное отсутствіе лирическаго элемента. Онъ желаетъ быть чуждымъ и на самомъ дѣлѣ чуждъ тому, что его окружаетъ. Мы хорошо знаемъ, что и какъ онъ видитъ, но не знаемъ, что онъ чувствуетъ. Реймонтъ — геніальный зритель, который любитъ наблюдать, но не любитъ трогаться. Въ этомъ заключается немного равнодушія къ жизни, немного и эгоизма. Онъ спѣшитъ впередъ къ новымъ впечатлѣніямъ, къ новымъ мірамъ. Онъ до сихъ поръ не создалъ «своего» синтеза жизни, не далъ произведенія, которое брызнуло бы ключомъ изъ глубочайшихъ пластовъ его мысли. Онъ сверкнулъ цѣлымъ великолѣпіемъ могучаго таланта, но ревниво не снялъ завѣсы съ своей души. А потому, несмотря на то, что онъ создалъ столько міровыхъ (?) произведеній, будемъ надѣяться, что дальше онъ дастъ намъ и больше».

Конечно, можно не раздѣлять восторговъ Стена, который самъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ поэзіи «новой Польши», но для насъ

всетаки цѣнно то, что отзывъ Стена, знающаго уже и «Хлоповъ» Реймонта, какъ будто представляетъ только развитіе случайныхъ и краткихъ замѣтокъ другихъ критиковъ о самыхъ юныхъ произведеніяхъ Реймонта.

Романъ «Мужики» состоитъ изъ четырехъ частей: «Осень», «Зима», «Весна» и «Лѣто» и долженъ охватить всю жизнь польскаго крестьянина. Онъ печатается въ журналѣ «Tygodnik Ilustrowany» въ Варшавѣ, и начало его вышло отдѣльной книжкой въ 1904 году.

Романъ начинается описаніемъ осени въ деревнѣ. «Стояла теплая и немного сонная тишина. Несмотря на то, что сентябрь былъ въ исходѣ, —солнце пригрѣвало его недурно. Оно висѣло на полнуги между югомъ и западомъ надъ лѣсомъ, такъ что кусты и медвѣжьи ягоды, полевья груши и даже висящія твердыя рубежныя борозды бросали отъ себя почныя и холодныя тѣни. На опустѣвшихъ поляхъ стояла тишина, а въ затуманенномъ солнечной пылью воздухѣ была разлита опьяняющая сладость. На высокой блѣдной синевѣ кое-гдѣ лежали разбросанныя въ безпорядкѣ огромныя бѣлыя облака, словно снѣжные обвалы. Подъ ними, насколько видѣлъ глазъ, лежали сѣрыя поля, какъ будто исполинская миска, въ которой, на подобіе серебрянаго, блестящаго на солнцѣ прядива сверкала въ изгибахъ рѣчка изъ-подъ прибрежныхъ ольхъ и ракитъ. Она образовала въ серединѣ деревни громаднѣй продолговатый прудъ и убѣгала на сѣверъ черезъ рытвину между холмами. На днѣ котловины, вокругъ пруда раскинулась деревня и играла на солнцѣ осенними красками садовъ, словно красно-темная гусеница, свернувшаяся на сѣромъ листѣ лапушника. Отъ нея къ лѣсу тянулось длинное, немного перепутанное прядиво грядъ, портаницы сѣрыхъ полей, нити межей, полныхъ медвѣжьими ягодами и колючими растеніями. Только кое-гдѣ въ этой серебристой сѣризнѣ разливались ручьи золота, желтѣлъ волчекъ ароматными цвѣтами, бѣлѣли обомлѣлыя высохшія русла ручьевъ или лежали песчаныя сонныя дороги, а надъ ними медленно карабкались на холмы и опускались къ лѣсу ряды могучихъ тополей».

Въ деревнѣ самымъ зажиточнымъ крестьяниномъ считался Борина. Это былъ мужикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, еще здоровый и крѣпкій. Онъ былъ вдовъ. Его домашнимъ хозяйствомъ занималась сноха Ганка и малолѣтняя дочь Юзка. Сынъ Антекъ, мужъ Ганки, служилъ у отца въ батракахъ, за что получалъ квартиру и три морга отцовской земли для обработки. Старшій сынъ, Гжеля, былъ на военной службѣ, а старшая дочь вышла замужъ за кузнеца изъ той же деревни. Въ семьѣ не было согласія, какъ это обыкновенно бываетъ, когда взрослые дѣти хотятъ поскорѣе получить отцовское наслѣдство, и между отцомъ и сыномъ часто случались крупныя разговоры, въ родѣ слѣдующаго:

— Молчи, молчи, пока я добръ, —говорилъ старый Борина. — Ей Богу, только ищетъ случая, чтобы ссориться. Это тебя хлѣбъ разноситъ!.. Мой хлѣбъ!..

— Костью онъ у меня стоитъ въ горлѣ, костью!..

— Ищи лучшаго, на трехъ моргахъ Ганки будешь жрать булки!

— Буду жрать картошку, но не будетъ меня никто попрекать каждымъ кускомъ.

— Не попрекаю и я...

— Такъ кто же? Работай, какъ лошадь, живи, какъ собака...

— У людей легче; не гонять работать и все даюгъ...

— Извѣстно дѣло лучше...

— Такъ ступай и отвѣдай!

— Съ пустыми руками не пойду!

— Палку получишь защищаться отъ собакъ.

— Отецъ!—заоралъ Антекъ, вскакивая со скамьи, но сейчасъ же сѣлъ опять, потому что Ганка обхватила его руками, а старикъ посмострѣлъ строго и крестился, такъ какъ обѣдъ уже кончился.

Уходя, Антекъ сказалъ твердымъ голосомъ:

— На твоихъ харчахъ жить не стану, нѣтъ!

Нависшія надъ сводной семьей тучи становились все мрачнѣе, все чернѣе, и, наконецъ, разыгралась гроза. Видя, что хозяйство идетъ прахомъ, старый Борина рѣшилъ жениться на молодой красивой Ягнѣ. Ходили въ деревнѣ слухи, что Ягна погуливаетъ, что даже Антекъ неравнодушенъ къ ней, но старикъ первому не повѣрилъ, второго не зналъ. Мать Ягны настояла на томъ, чтобы Борина записалъ будущей женѣ шесть морговъ земли. Послѣ долгаго колебанія онъ согласился. И вотъ за недѣлю до свадьбы въ избѣ Борина собрались обиженные дѣти. Они молчали, не зная съ чего начать. Кузнечиха побрякивала, то-и-дѣло кричала на ребятишекъ, которые стали было шалить. Ганка сидѣла на порогѣ и кормила своего мальчика, а безпокойными глазами бѣгала по лицу Антека, который сидѣлъ возлѣ окна и, дрожа отъ волненія и нетерпѣнія, обдумывалъ, что ему сказать.

— Чего вамъ надо? Сказывайте!—строго крикнулъ потерявшій терпѣніе Борина.

— Да, вотъ... говори, Антекъ... вотъ мы пришли изъ-за этой записи...—заикалась кузнечиха.

— Запись сдѣлана, свадьба въ воскресенье... вотъ мой отвѣтъ!

— Знаемъ, какъ же, знаемъ, но мы незатѣмъ пришли.

— А зачѣмъ?

— Вы записали шесть морговъ,

— Потому что мнѣ такъ захотѣлось, а захочу, мигомъ запишу все...

— Когда все будетъ ваше, тогда и запишите,—сказалъ Антекъ.

— А чье же это, чье?

— Дѣтей, наше.

— Глушь ты, какъ баранъ. Земля моя, и я сдѣлаю съ нею, что мнѣ хочется.

— Тамъ еще увидимъ...

— Ты мнѣ запретишь, ты?

— Да я, все мы, а нѣтъ, такъ судъ вамъ запретить!—закричалъ Антекъ, потому что ужь не могъ сдержать гнѣва.

— Судомъ меня пугаешь? Какъ, судомъ? Замолчи ты, пока я добръ, а то пожалѣешь.

— Мы ищемъ правду...

— Вотъ возьму палку, сейчасъ получишь правду!..

— Троньте, навѣрно не дождетесь свадьбы...

И ужь стали они ругаться, приближаться другъ къ другу, бить кулаками по столу, кричать и высчитывать все свои обиды.

— Идти намъ по міру съ сумою!—орала Ганка.—Боже мой, Боже!.. Работалъ мы, какъ лошади, и дни... и ночи... а теперь что?.. Господь

васъ накажетъ, накажетъ... Шестъ морговъ записали, шестъ морговъ... а одежда послѣ матери?.. Бусы... все... все... и кому все это?.. кому, Такой свиньѣ, а чтобъ ты околѣла подъ заборомъ, а чтобъ те черви точили, ты—потаскушка, ты!..

— Что ты сказала?..—зарычалъ старикъ, бросившись къ Ганкѣ.

— Вся деревня можетъ сказать, что потаскуха, всему міру извѣстно... всему!..

— Замолчи, замолчи, а то харю расшибу те о стѣну... —И онъ сталъ встряхивать Ганкой, но Антекъ уже подбѣжалъ и защитилъ и тоже сталъ кричать:

— И я скажу то же: потаскуха она... потаскуха... спалъ съ ней всякій, кто желалъ. Я...

Но онъ не кончилъ, такъ какъ разъяренный старикъ такъ треснулъ его въ морду, что тотъ упалъ головою на стеклянный шкафъ и вмѣстѣ съ нимъ грохнулся о земь... Антекъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и разъяренный бросился на отца. Они ринулись другъ на друга, какъ двѣ бѣшенныя собаки, ударились о кровати, о сундуки, о стѣны, такъ что башки трещали... Къ счастью, вскорѣ ихъ розняли сосѣди и отдѣлили другъ отъ друга.

Послѣдствія этой драки для Антека были плачевныя. Отецъ выгналъ его вмѣстѣ съ женою, и имъ пришлось испить до дна горькую чашу нужды. Дѣло еще ухудшилось, когда въ деревнѣ узнали, что Антекъ имѣетъ связь съ своей мачехой. Отъ него всѣ отшатнулись, какъ отъ прокаженнаго. Долго и много говорили объ этомъ скандалѣ, особенно бабы; слухъ дошелъ до ксендза, и тотъ на глазахъ всѣхъ выгналъ Антека изъ костела.

Между тѣмъ, всеобщее вниманіе привлекли болѣе важныя дѣла. Стали поговаривать въ деревнѣ, что помѣщикъ продалъ лѣсъ и уже началъ его рубить. Мужики считали лѣсъ своею собственностью. Сначала они не хотѣли этому вѣрить, потому что и время было неподходящее для рубки, но такъ какъ слухи держались упорно, то рѣшили убѣдиться, правда ли то, о чемъ говорятъ на селѣ. Посланные молодые Клембы сообщили, что собственными глазами видѣли, какъ рубятъ лѣсъ. Мужики взбѣсались и начали собираться въ кучу. Толпа все увеличивалась, заняла уже всю площадь передъ кабакомъ вплоть до дороги и стояла густыми рядами, плечо въ плечо. Явился ксендзъ, сталъ уговаривать мужиковъ, но они не послушались и стояли неподвижно. Никто даже не снялъ шапки, никто не поцѣловалъ у него руки, а кто-то громко гаркнулъ:

— Платятъ ему, значитъ—говорить!

— Проповѣдью не вознаградишь убытка,—добавилъ насмѣшливо другой.

Притомъ всѣ смотрѣли такъ злобно и укорно, что ксендзъ сталъ плакать, не переставая заклинять мужиковъ именемъ всѣхъ святыхъ, чтобы они опомнились и разошлись по домамъ. Но онъ не кончилъ, такъ какъ пришелъ Борина, и всѣ обернулись къ нему. Борина поднялъ руки и сталъ кричать громкимъ голосомъ:

— Христіанскій народъ, честные поляки, хозяева и батраки! Обидѣли всѣхъ насъ, крѣпко обидѣли, нельзя ни молчать, ни простить... Помѣщикъ рубить нашъ лѣсъ, помѣщикъ никого изъ насъ не принималъ



на работу, помѣщикъ всегда противъ насъ, всегда желаетъ нашей гибели... Теперь онъ рубить нашъ лѣсъ. Позволимъ мы ему это?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не дадимъ! Разогнать, убить, не дать!—послышались крики, и сѣрая, мрачная лица вдругъ свергнули, точно молніи. Сотни кулаковъ мелькнули въ воздухѣ, сотни глотокъ заревѣли, и гнѣвъ встряхнулъ ихъ сердцами.

— Наше право, и никто его намъ не признаетъ, нашъ лѣсъ рубятъ! Та въ что же дѣлать намъ, сиротамъ? Вѣдь никто о насъ не заботится, а всѣ противъ насъ... Дорогие братья, христіанскіе люди, поляки, вотъ я вамъ говорю—иначе нельзя, пойдемъ всѣ защищать свое добро, пойдемъ всѣ и не дадимъ рубить лѣса! Всѣ пойдемъ! Всей деревней, всѣ до одного. Ничего не бойтесь, люди; наше право, значить, и воля наша, и правда наша... За мною, люди, собирайтесь, мигомъ за мною! Къ лѣсу!—зарычалъ онъ изъ всей мочи.

— Къ лѣсу!—заорали всѣ разомъ.

И пошла почти вся деревня съ Бориной во главѣ. Дровосѣки по приказанію Борины бросили рубку и стали было уходить изъ лѣсу, какъ вдругъ появилось на подмогу нѣсколько всадниковъ; это былъ управляющій со своей челядью. Мужики попытались, но Борина сталъ кричать:

— Ко мнѣ, всѣ ко мнѣ! Палками сукиныхъ дѣтей, цѣпами по лошадамъ!—и схвативъ какой-то колъ, первый бросился на всадниковъ.

Картина вооруженнаго сопротивленія крестьянъ описана у Реймонта очень живо и энергично. Нѣсколько неясныхъ движеній толпы, многоголовой гидры, и послышались нечеловѣческіе вопли, проклятія, визги перешибаемыхъ лошадей, стоны раненыхъ, глухіе и частые удары кольевъ, дикіе окрики поля битвы. Дровосѣки и челядь помѣщика дрались не хуже деревенскихъ мужиковъ, тѣмъ не менѣе подъ конецъ стали отступать. Во время свалки лѣсничій, увидѣвъ Борину, бросился на него, и они упали на землю, валяясь, какъ собаки. Но лѣсничій одолѣвалъ. Въ это самое время подбѣжалъ Антекъ, и сцена принимаетъ другой оборотъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, присѣлъ на корточки, вытащилъ изъ-подъ полушубка ружье и, инстинктивно перекрестившись, прицѣлился въ голову отца... Но прежде чѣмъ онъ нажалъ собачку, лѣсничій и Борина вскочили на ноги. Антекъ тоже всталъ и опять сталъ цѣлить, однако, не выстрѣлилъ, потому что внезапный страхъ такъ сжалъ его сердце, что онъ еле переводилъ дыханье... Вдругъ раздался крикъ: «Спасайте, люди, помогите!»... Это лѣсничій ударилъ Борину прикладомъ въ голову, такъ что тотъ свалился на земь съ разбитой головой. Антекъ бросилъ ружье и подбѣжалъ къ отцу.

— Отецъ, Боже мой, отецъ!—сталъ кричать онъ страшнымъ голосомъ.

— Отецъ, убили его, убили!—вылъ онъ, какъ сука, когда у нея отнимутъ щенятъ.

Нѣсколько людей бросились на помощь. Мужики одолѣли своихъ противниковъ. Немногіе изъ нихъ чувствовали слѣды побоевъ и утомленіе, потому что сердца всѣхъ переполняла несказанная радость побѣдителей. Всѣ были веселы и полны такой удали, что готовы были бороться съ цѣлымъ міромъ. Тяжело раненаго Борину уложили на носилки изъ вѣтвей и пошли домой. Крестьяне шли теперь твердымъ шагомъ, шумно, сверкающими глазами поглядывая на отнятый лѣсъ, что качался надъ головами, сонно шумѣлъ и окачивалъ ихъ росю, словно слезами. Вдругъ

Борина раскрылъ глаза и долго смотрѣлъ на Антега, какъ будто не до-  
вѣряя самому себѣ, смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока глубокая тихая радость  
не засіяла на его лицѣ. Тогда онъ нѣсколько разъ зашевелилъ губами и  
прошепталъ съ величайшимъ усиленіемъ:

— Такъ это сынъ... Ты ли?..

И затѣмъ опять потерялъ сознание.

Романъ не конченъ. До сихъ поръ вышли двѣ части («Осень» и  
«Зима»). «Весна» печатается въ названномъ варшавскомъ журналѣ.  
Несмотря на нѣкоторыя длинноты, особенно въ первой половинѣ «Осени»,  
романъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать шедевромъ Реймонта. Это про-  
изведеніе изобилуетъ великолѣпными описаніями, діалогами, сценами,  
типами. Написано оно языкомъ до того своеобразнымъ, что его почти  
нельзя перевести ни на какой другой; надо очень хорошо знать польскую  
диалектологию. Многіе польскіе беллетристы писали повѣсти и романы  
изъ крестьянской жизни, но такого произведенія до сихъ поръ не было.  
и оно надолго останется единственнымъ въ своемъ родѣ. Критика при-  
няла его необыкновенно благосклонно, иные—съ восторгомъ и величай-  
шими похвалами. Строже всѣхъ отнесся къ нему опять В. Фельдманъ.  
Онъ сравниваетъ романъ съ соответствующими произведеніями Зола,  
Прусса, Оркана и приходитъ къ заключенію, что они выше «Chlorow»,  
потому что по нимъ «можно разглядѣть душу автора». Для насъ это до-  
казательство неубѣдительно. Отзывъ свой Фельдманъ заканчиваетъ  
словами: «Реймонтъ далъ эпосъ въ стилѣ Гомера—произведеніе въ этомъ  
родѣ прелестное, можетъ быть, слѣдующіе томы сдѣлаютъ изъ него про-  
изведеніе великое». Конечно, все можетъ быть, и даже отзывъ Фельд-  
мана для очень многихъ можетъ быть лишь личнымъ, ни для кого не  
обязательнымъ мнѣніемъ партійнаго рецензента-фельетониста, который  
пользуется относительнымъ авторитетомъ, главнымъ образомъ, потому,  
что удачно угадалъ настроеніе современнаго польскаго общества, кото-  
рое, по всей вѣроятности, только временное.

*А. И. Яцимирскій.*

К О Н Е Ц Ъ.